

**Русский архив. Историко-литературный
сборник. 1898**

Выпуски 5-8

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1898: Выпуски 5-8 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 676 с.

ISBN 978-5-458-42467-7

Оригинальное название: Русский архив. Историко-литературный сборник. 1898. Выпуски 5-8 «Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенева — историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенева издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенева подбирал исторический материал для романа «Война и мир». Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

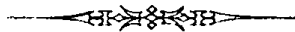
Петромъ Бартевымъ.

On ne doit aux morts que la stricte
vérité. *Guizot.*

Полная справедливость обязательна
въ отношеніи къ умершимъ. *Гизо.*

1898.

КНИГА ВТОРАЯ

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1898.

Приложеніе къ 5-му выпуску „Русскаго Архива“ 1898 года.

Графъ Бутурлинъ

Графъ Михаилъ Дмитріевичъ Бутурлинъ.
1807—1876.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА *).

1853-й годъ.

Высочайшій приказъ, разрѣшавшій мое поступленіе на службу, былъ подписанъ Государемъ въ Ольмюцѣ, гдѣ онъ находился на конгрессѣ и гдѣ Европейская коалиція, во главѣ которой стоялъ Наполеонъ-Боско III, морочила насъ призракомъ возможности сохранить всеобщій миръ, между тѣмъ какъ союзники въ тайнѣ спѣшили вооружаться.

Я поступилъ однимъ изъ трехъ младшихъ чиновниковъ особыхъ порученій на мѣсто Кромскаго, переименованнаго въ исправляющіе должность уѣзднаго судьи отъ короны. Окладъ мой былъ 500 р. въ годъ; но въ отлучкахъ куда-нибудь въ уѣзды по дѣламъ службы чиновники особыхъ порученій получали прогонныя деньги на двѣ лошади и суточные: младшіе чиновники по 30 к., а старшіе по 40 к. въ день, на томъ, вѣроятно, соображеніи, что желудокъ старшаго чиновника требуетъ болѣе пищи, нежели желудокъ младшаго его собрата. Не будь у меня назначеннаго отъ покойнаго брата моего пенсіона въ 1800 р. сер. (который продолжала выдавать мнѣ невѣстка моя, графиня Аврора Осиповна), мнѣ невозможно было бы содержаться на скудныхъ 500 рублѣхъ жалованья, при всемъ томъ, что квартира была у меня готовая въ Дивовскомъ городскомъ домѣ и что я, какъ и прочіе приближенные къ губернатору чиновники, обѣдалъ ежедневно у него.

Облекся я, наконецъ, въ мундиръ съ шитьемъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, объѣхалъ съ официальными визитами новыхъ моихъ сослуживцевъ, въ томъ числѣ и трехъ совѣтниковъ Губернскаго Правленія, и въ ознаменованіе ли моего поступленія въ штатъ губернаторскихъ чиновниковъ, или изъ желанія моихъ товарищей немного покутнуть (въ чемъ запѣвалами были правитель губернаторской канцеляріи Н. И. Дмитревскій, Евгенийъ Михайловичъ Бернардь и общій

*) См. „Русскій Архивъ“ 1897 года и первые четыре выпуска нынѣшняго года.

нашъ другъ и врачъ, толстопузый Иванъ Христіановичъ Шенрокъ), но состоялся между нами по подпискѣ корпорационный банкетъ, на коемъ мы не щадили нектара Шампанскихъ лозъ. Однако, я и нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ пиру оказались настолько еще *презентабельными*, что явились на вечеръ въ «префектуру», какъ угодно было иногда Меропѣ Александровнѣ обозначать губернаторскій домъ, съ ея собственнымъ салономъ включительно.

Едва прослужилъ я два мѣсяца, какъ неожиданно попалъ въ разрядъ старшихъ чиновниковъ особыхъ порученій, по случаю перехода одного изъ этихъ трехъ, г. Эмеца, по собственному его желанію, на вакантное мѣсто короннаго исправника въ Спасскомъ уѣздѣ. Повышеніе мое, кромѣ прибавочныхъ ста рублей жалованія, давало мнѣ право на мундиръ, съ полнымъ шитьемъ колосьевъ и прочихъ орнаментовъ, каковой воротникъ обошелся мнѣ въ 50 рублей, и этотъ маленькій въ своемъ родѣ почетъ крайне польстилъ моему малодушію. Кстати расскажу объ одномъ казусѣ, приключившемся этому Эмецу и относившемся ко времени его нахождения чиновникомъ особыхъ порученій. Однажды, на обратномъ пути въ Рязань изъ какой-то поѣздки по службѣ, проѣзжая ночью и во время зимней стужи черезъ Спась, Эмець заѣхалъ отогрѣться къ тогдашнему исправнику, нѣкому Петрову. Послѣ продолжительнаго стучанья у воротъ исправничьей квартиры, выходитъ, наконецъ, разсылный или сторожъ Земскаго Суда, коему г. Эмець приказываетъ доложить г. Петрову о своемъ пріѣздѣ. Сторожъ пошелъ будить своего принципала, храпѣвшаго во всю Ивановскую. «Ваше высокоблагродіе, Эмець пріѣхалъ». Но его высокоблагородіе, проворчавъ что-то сквозь зубы, перевернулся на другой бокъ и снова захрапѣлъ. Эмець, подождавъ еще немного, опять принялся барабанивать въ ворота и явившемуся вторично сторожу повторилъ свое приказаніе. Служивый Земскаго Суда опять отправляется будить своего начальника и также неуспѣшно, лишь съ прибавленіемъ: «Убирайся къ чорту ты и онъ самъ! Стану я беспокоиться изъ-за такого-то».... Наконецъ, продрогшій до костей отъ стужи и озадаченный подобнымъ невниманіемъ къ личному губернаторскому чиновнику *), Эмець вбѣгаетъ по стопамъ сторожа въ домъ и безъ дальнихъ околичностей самъ принимается толкать г. Петрова.—«Какъ вамъ не совѣстно, милостивый государь, морозить меня битый часъ на улицѣ?» кричитъ въ ухо

*) Въ служебное наше время пріѣздъ въ уѣздный городъ губернаторскаго чиновника особыхъ порученій наводилъ, съ рѣдкими исключеніями, если не тревогу, то, по крайней мѣрѣ, суматоху, причинялъ всякаго рода догадки, и за нами любезно ухаживали господа исправники (хотя служили по выбору отъ дворянъ) и городничіи.

своему коллегѣ раздраженный Эмецъ. — «Ахъ, батюшка, простите, это вы?» наконецъ отозвался исправникъ. «А вѣдь этотъ дуракъ все твердилъ мнѣ: ваше высокоблагородіе, вставайте, *Ньмецъ* пріѣхалъ; такъ я ему и отвѣчалъ: стану ли я беспокоиться для всякаго проѣзжаго твоего Нѣмца?»¹⁾

Въ началѣ новой моей служебной дѣятельности, я очутился какъ бы въ лѣсу. Получивъ на первый разъ два указа Губернскаго Правленія о производствѣ двухъ слѣдствій, одно изъ коихъ о домогательствѣ какой-то дворовой дѣвки освободить ее изъ крѣпостной зависимости (дѣло было немного крючковато, но въ цѣлости подходило подъ буквы закона, а самая его цѣль была по сердцу мнѣ), я рѣшительно сталъ въ тупикъ. Я не имѣлъ никакого понятія о слѣдственной процедурѣ; было, однакоже, настолько во мнѣ самолюбія, что я не хотѣлъ прибѣгнуть за наставленіемъ къ моимъ товарищамъ (всѣ много моложе меня годами) и предпочелъ обратиться къ Рязанскому исправнику, господину Г., бывшему въ большемъ почетѣ и у губернатора, и у моего почтеннаго кузена Дивова. У послѣдняго господинъ Г. былъ въ великой милости по той причинѣ, что онъ имѣлъ свой конно-заводишко и пускалъ бѣгуновъ на призъ. Высокомѣрный этотъ исправникъ, тѣмъ не менѣе, кончилъ свое служебное поприще довольно плачевно; но объ этомъ поговоримъ гдѣ слѣдуетъ. Немного я, однакоже, приобрѣлъ отъ этого доки. «Пишите, молъ», заговорилъ онъ, «ваши требованія по всѣмъ инстанціямъ формою отношеній, а при дѣлѣ оставляйте отпуски (т.-е. черновыя копіи) за такими-то и такими-то нумерами». Отъ этихъ наставленій я не сдѣлался ни на пядь мудрѣе прежняго, и потому, оставивъ въ покоѣ этого пресловутаго дѣльца и доставъ двѣ книжечки о руководствѣ къ произведенію слѣдствій Стояновскаго²⁾, я принялся, съ Божіею и ихъ помощію, за допросы отвѣтчиковъ, очныя ставки, дополнительныя свѣдѣнія отъ истца и пр. и пр.; но за то и затянулъ оба дѣла на чрезмѣрно-долгое время. Къ счастью, наше Губернское Правленіе не имѣло привычки потчивать насъ частыми понуканіями о скорѣйшемъ окончаніи слѣдствій, и даже давало намъ полную волю заниматься «спустя рукава». Но тѣмъ не менѣе, когда позднѣе пришлось мнѣ производить серьезное дѣло надъ Сапожковскимъ исправникомъ Б., обвиняемомъ въ злоупотребленіяхъ будто бы по

¹⁾ Когда жилъ въ Калугѣ Шамиль, простолюдины и низшіе военные чины звали его „Шмель“. Подобно тому, они переименовали фамилію Гильденштубе въ „Дылда въ шубѣ“ и помню также, что гвардейскіе солдаты называли генерала Бистрома „генераль Быстровъ“.

²⁾ Бывшій въ 60-хъ годахъ товарищемъ министра юстиціи Замятнина, а нынѣ сенаторъ въ одномъ изъ двухъ кассационныхъ департаментовъ.

службѣ, я прибѣгнулъ къ хитрости и выхлопоталъ, въ помощь якобы себѣ для писмоводства, квартальнаго надзирателя, въ участкѣ коего находился домъ Дивова, по фамиліи Чичкова, свѣдущаго по слѣдственной части, возложенной тогда исключительно на городскую и уѣздную полицію и на губернаторскихъ чиновниковъ особыхъ порученій. Не стыжусь признаться, что по его милости я быстро и порядочно усвоилъ себѣ нужный по этой части навыкъ.

Позднею осенью княгиня М. П. Волконская, въ сопровожденіи Петербургскаго своего знакома Н. И. Похвиснева *), провела, проѣздомъ въ Петербургъ, одинъ день въ Рязани. Находясь въ родствѣ, хотя дальнемъ, съ Новосильцовыми, она останавливалась у Петра Петровича, и это было послѣднее мое съ нею свиданіе.

Дабы не прерывать нить Рязанскихъ событій, скажу здѣсь нѣсколько словъ о двухъ близкихъ мнѣ лицахъ, о Дивовѣ и объ Осипѣ Августиничѣ Тридонѣ, котораго мы давно уже потеряли изъ виду.

Николай Адрияновичъ все болѣе и болѣе улучшалъ свою игрушку, конный заводъ, къ ущербу, какъ оказали послѣдствія, немалого истраченнаго имъ на этотъ предметъ капитала; но объ этомъ не было тогда и рѣчи. Онъ рассчитывалъ лишь на полученіе трехъ процентовъ отъ своей прихоти, но и того онъ не достигъ. Будучи въ короткихъ отношеніяхъ съ княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ (заѣзжавшимъ иногда въ Городище на пути изъ Петербурга въ Воронежское свое имѣніе Пады, гдѣ былъ его знаменитый конный заводъ), Дивовъ успѣлъ приобрѣсти у него чистокровнаго случайнаго жеребца, по прозвищу «Воронъ», за 3 тыс. р. сер. За него Дивову предлагали позднѣе 10 т. р., но онъ не продалъ этого жеребца, рассчитывая (и расчетъ былъ вѣренъ), что онъ выручитъ болѣе этого отъ приплода. А давали за «Ворона» подобную баснословную цѣну (хотя этотъ конь не бѣжалъ ни на одномъ гиподромѣ) потому, что изъ завода князя Орлова выпускались въ продажу однѣ кобылы и мерины, но для Дивова состоялось исключеніе, по причинѣ личнаго къ нему расположенія владѣльца Падовъ. Одновременно съ «Ворономъ» Дивовъ тамъ же купилъ двухъ или

*) Онъ недавно (пишу въ 1874 году) померъ и, какъ слышно, будто бы самоубійствомъ Шестъ или семь лѣтъ тому, онъ получилъ миллионное наслѣдство отъ своего дяди Донца-Захаржевскаго, убитаго однимъ изъ его прислуги въ Харьковскомъ его имѣніи. Н. И. Похвисневъ привлеченъ былъ къ отвѣтственности по подозрѣнію въ участіи убійства, но оправданъ. Для всѣхъ удивительно, какимъ образомъ пользовавшійся не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ громаднымъ наслѣдствомъ дяди и не жившій никогда широко, Н. И. Похвисневъ умеръ, какъ утверждаютъ, въ неоплатныхъ долгахъ.

трехъ кобыль, по полторы тысячи (кажется) за каждую. И тутъ онъ оказался не въ накладѣ: одна изъ этихъ кобыль, проданная уже слишкомъ старою для приплода, оказалась жеребою и принесла ему отличнаго сѣрой масти жеребенка, сдѣлавшагося впоследствии производителемъ. Опрічь сѣрой и вороной масти, другой не допускалось въ Городищенскомъ конномъ заводѣ. Управлялъ заводомъ нѣкій купеческій сынъ Иванъ Ефимовичъ Роговъ, племянникъ Козловскаго купца, коннозаводчика того же имени; получалъ онъ 1500 р. жалованья на всемъ готовомъ, а было у него семейство. Передъ тѣмъ онъ былъ призовымъ наѣздникомъ въ Лѣсицѣ, у А. А. Болдырева, но изъ Городища лошадей на публичные бѣга не пускали, и Роговъ дѣлалъ только проѣздку лошадямъ для моціона, а во всемъ прочемъ былъ болванъ.

И эту зиму съ 1853 на 1854 годъ Николай Адрияновичъ провелъ, по обыкновенію, въ Петербургѣ, и возвратился въ Рязань не прежде Апрѣля.

Теперь о моемъ пріятелѣ Тридонѣ. Прежде всего надо сказать, что онъ былъ любимцемъ въ домѣ Александра Дмитріевича и Елисаветы Григорьевны Чертковыхъ, съ коими познакомился еще въ началѣ 30-хъ годовъ черезъ меня, а женитьба сына князя Николая Яковлевича Голицына (у коего Тридонъ былъ на интимной ногѣ и съ коимъ онъ каждую осень охотился въ Тарусскомъ имѣніи князя селѣ Рощѣ), на старшей дочери Чертковыхъ (1850) еще болѣе сблизила Осипа Августиновича съ этимъ семействомъ. Лѣтомъ 1853 года вздумалось Черткову ѣхать съ женою и дѣтьми за границу, а именно въ Парижъ, и онъ предложилъ Тридону сопровождать ихъ на его, Черткова, счетъ, какъ бы въ качествѣ компаньона молодого его сына Григорія Александровича, коему тогда было лѣтъ 18-ть. Понятно, какова была это находка для нашего Француза, не бывшаго въ своемъ отечествѣ болѣе 30 лѣтъ. Мать его давно уже скончалась, но была въ живыхъ замужняя его сестра въ городѣ Лангрѣ, въ Шампаніи. Пріѣхавъ въ Парижъ, Чертковы предполагали прожить тамъ нѣкоторое время, и Тридонъ рассчитывалъ, что успеетъ, немного погодя, посѣтить свою сестру въ провинціи; но вышло иначе. На третій день пріѣзда Чертковыхъ во всемірную столицу пронесся слухъ, что волненія снова подготовляются неугомонными фобургіанами Сень-Жакскаго квартала, и испуганный Александръ Дмитріевичъ объявляетъ своимъ семейнымъ о немедленномъ его и ихъ возвращеніи прямо въ мирное ихъ пристанище, на Мясницкую улицу Москвы бѣлокаменной. Какъ ни протестовалъ противъ такой перемѣны дирекціи нашъ Французъ, но другаго выбора ему не оставалось, какъ или жить въ Парижѣ на свой

собственный счетъ (на что не было у него ни денегъ, ни охоты), или вернуться въ Россію. На слѣдующее утро всѣ они помчались по желѣзной дорогѣ восточной линіи, какъ бы нарочно пересѣкающей Шампанію, и бѣдняку Тридону суждено было разсмотрѣть рисовавшуюся на дальнемъ горизонтѣ колокольню одной изъ церквей его родины! Не знаю, право, могло ли быть испытаніе жесточе этого, и въ довершеніе, онъ въ послѣдствіи узналъ, что сестра его случайно находилась въ Парижѣ одновременно съ нимъ.

Въ Вѣнѣ, гдѣ Чертковы останавливались на короткое время, при входѣ Тридона въ одну кофейню, какой-то находившійся тамъ приземистый господинъ съ феноменальными усищами впился въ него глазами и вдругъ воскликнулъ: «Comment, imbécile, tu ne me reconnais pas? Je suis Jobart» ¹⁾. Тридонъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Этотъ съ полувоенною осанкой индивидуумъ, нѣкогда былъ его одноклассникъ на школьной скамьѣ, а въ послѣдствіи неуживчивый педагогъ (и кажется полумистикъ) былъ Жобаръ. Тридонъ узналъ стороною, что непримиримый нѣкогда оппонентъ обскуранта Магницкаго не гнушался будто бы теперь ролью полицейскаго секретнаго агента въ Вѣнѣ ²⁾.

Начальникъ мой, Петръ Петровичъ Новосильцовъ принадлежалъ къ числу людей, которые, не дѣлая никому зла, наживаютъ себѣ враговъ. Любвеобильное его сердце обнимало весь родъ человѣческій. Онъ придерживался правила своего прежняго начальника, князя Д. В. Голицына, смотрѣвшаго на всякаго преступника какъ на самаго несчастнаго человѣка. Питалъ ли онъ чувство антипатіи къ кому бы то ни было, въ томъ сомнѣваюсь; но за то утвердительно могу сказать, что ненависть была незнакомою ему вещью, а боязнь причинить малѣйшій вредъ кому - нибудь изъ прямо или косвенно ему подчиненныхъ ³⁾, доводила его до административной, такъ сказать, банальности (чтобы не сказать, слабости), и въ теченіе болѣе семи лѣтъ управленія Рязанскою губерніей онъ никого, помнится мнѣ, не отдалъ подъ судъ по собственному своему усмотрѣнію (понятно, что по донесеніямъ прокурора, жандармскаго штабъ - офицера, по частнымъ жалобамъ или по

¹⁾ „Такъ ты, дуракъ, меня не узнаешь? Я вѣдь Жобаръ“.

²⁾ Напоминаю, что Жобаръ былъ въ 20-хъ годахъ профессоромъ Французской литературы, когда Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа. Жобаръ воевалъ въ послѣдствіи съ самимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ, и кончилъ тѣмъ, что въ 30-хъ годахъ его выслали и чуть ли не вывезли на казенный счетъ за границу.

³⁾ Не прямо подчиненными подразумеваю служащихъ въ тѣхъ вѣдомствахъ, надъ коими дано было губернатору только право ревизіоннаго надзора и аттестаціи.